

беды, карает злая судьба, и опыт самостоятельной жизни кончается крахом, отказом от «своей воли», уходом в монастырь. Осуждение молодца, его плачевный удел полностью соответствуют замыслу повести, раскрытому уже во введении.

В книге Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси»⁸ этот мотив «ослушничества», имеющий первостепенную важность, почти совершенно выпал. Единственный раз, в начале рассказа о молодце, автор книги вскользь замечает: «Он не слушает своих родителей», — и только (стр. 155). Подчеркнув, что в образе молодца повесть должна была показать судьбу всего человечества, Д. С. Лихачев оговаривается, что на деле, объективно она «с необыкновенной силой нарисовала несчастную жизнь обездоленных людей своего времени»,⁹ и для характеристики жизни обездоленных приводит данные не столько из «Повести о Горе-Злочастии», сколько из сатирических произведений XVII в. Новый герой демократических произведений — «просто страдающий человек, страдающий от голода, холода, от общественной несправедливости» (стр. 152), «сегодня он богат, завтра беден», «он питается подаванием ... погряз в пьянстве, играет в кости» (стр. 154); «при этом новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей» (стр. 153). И хотя молодец нашей повести далек от такого героя, исследователь сближает и уравнивает их. «Особенно поразителен, — говорит он, — образ безвестного молодца в „Повести о Горе-Злочастии“». Здесь сочувствием читателей (откуда это видно? — А. Н.) пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества ... погрязший в пьянстве и в азартной игре, сведший дружбу с ... костарями» (стр. 154).¹⁰ В конце повести Д. С. Лихачев видит «оправдание человека, который с церковной точки зрения не мог не считаться „грешником“» (стр. 157). В «Истории русской литературы» эта мысль выражена им еще отчетливее: «не осуждение неудачливого молодца ... а теплое сочувствие его судьбе выражается в повести».¹¹ С этим нельзя согласиться, как нельзя согласиться и с позднейшими, еще более решительными высказываниями в этом же смысле в научно-популярном издании «Культура русского народа X—XVII вв.».¹² Мне кажется, что в книге «Человек в литературе древней Руси» с «Повестью о Горе-Злочастии» произошла существенная метаморфоза: она оторвана от проблемы «отцов и детей» и сближена с демократической сатирической литературой, где в основном отражена иная, чисто социальная, антифеодалная позиция авторов, представителей социальных низов. Наш молодец — из другой социальной среды, его несогласие с «отцами» иного порядка. Вообще текст «Повести о Горе-Злочастии» не подтверждает трактовки, данной ей в книге «Человек в литературе древней Руси», и не оправдывает замену конфликта «отцов и детей» конфликтом личности «со средой, с богатыми и знатными» (стр. 152). С другой стороны, мне кажутся убедительными замечания Д. С. Лихачева о широко, обобщающем значении образа молодца, героя повести, хотя и тут мы несколько расходимся в самом применении понятия «обобщение».

Мне кажется, и основную идею «Повести о Горе-Злочастии», и ее художественные особенности можно лучше разглядеть, если сопоставить ее

⁸ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Дальнейшие ссылки на страницы этого издания даются в тексте в скобках.

⁹ Д. С. Лихачев. Иносказание «жизни человеческой»... стр. 27.

¹⁰ Хотя один раз молодец «упился», понадеявшись на «брата названного», а потом по наущению Горя «пропил свои животы», я бы не сказал, что он «погряз в пьянстве». Повесть не говорит также, что герой «погряз в азартной игре» и «свел дружбу с кабацкими костарями», — от этого его только предостерегают родители.

¹¹ Д. С. Лихачев. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 216.

¹² Д. С. Лихачев. Культура русского народа X—XVII вв., стр. 102—103.